

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Тейя, вождь готов после Тотилы, собрав войско и возобновив всеми силами войну против Нарзеса и римлян, был совершенно разгромлен и погиб, сражаясь в бою. Уцелевшие готы, так как римляне их преследовали безостановочно, гонимые ими наступлением и окруженные в безводном месте, заключили мирный договор с Нарзесом, по которому они оставались беспрепятственно жить на своих землях и подчинялись в дальнейшем императору римлян как подданные. После этого всем казалось, что все войны кончились в Италии. На деле же это оказалось прелюдией к другому войнам. Полагаю, - никогда наш век не будет свободен от них и они навсегда останутся в полной силе, пока остается той же человеческая природа, так как с самого начала они, так сказать, присущи жизни, и поэтому вся поэзия, вся история наполнена войнами и сражениями, и не найдешь в них ничего другого, так подробно описанного. Причиной войн, полагаю, не являются, как говорят многие, движения звезд или судьба и противный разуму рок. Если бы предначертанное судьбой торжествовало во всем, то была бы отнята у людей свободная воля и право выбора, и мы считали бы напрасными и бесполезными всякое наставление, искусства и обучение: оказались бы беспомощными и бесплодными надежды людей, живущих наилучшим образом. И божество, как думаю, нельзя полагать причиной убийств и сражений. Я и сам бы не сказал и не поверил бы никому, утверждающему, что высшее благо, изгоняющее всякое зло, радуется сражениям и войнам. Души людей добровольно впадают в корыстолюбие и несправедливость и наполняют все войнами и смятением, и отсюда происходят многие бедствия и гибель народов и порождаются бесчисленные другие несчастья. Так и теперь: готы, заключив мир, разделились, и одни из них жившие раньше южнее реки Пада,[5] отправились в Тусцию и Лигурию и куда кто захотел; другие же, переправившись по ту сторону, расселились, как и раньше, около Венеции и тамошних укреплений и городов. Когда они оказались в таком положении, надлежало им подтвердить договор делами, находясь в безопасности, освободиться от непрерывных угроз и хотя бы немного передохнуть от бедствий. Но они, переждав очень короткое время, снова захотели перемен и начали сеять семена новой войны. Считая себя не в силах теперь же вступить в войну с римлянами, они немедленно обращаются к франкам, полагая, что их дела улучшатся и они получают величайшую выгоду, если, заключив союз с соседями и родственниками, поскорее возобновят войну.

2. Племя франков является ближайшим соседом Италии. Несомненно, что они принадлежат к так называемым истарии германцам. Живут вокруг Рейна - реки и [на] прилегающей к нему территории, владеют и большей частью Галлии, которая раньше им не принадлежала, а занята позднее. Владеют они также городом Массалией, колонией ионийцев, так как ее некогда заселили фокеяне, изгнанные из Азии мидянами в царствование Дария, сына Гистаспа. Теперь она [Массалия] из эллинской сделалась варварской и, отбросив отечественное устройство, пользуется законами своих гос-

под, но и теперь ее положение немногим хуже прежнего. Ибо франки не номады, как многие из варваров, но в большинстве случаев пользуются римскими гражданскими порядками и теми же законами, равным образом одинаково мыслят о договорах, браке и божественной службе. Все они христиане и придерживаются вполне христианской веры. [Франки] имеют в городах и правителей, и священников. Праздники совершают так же, как и мы, и для варварского племени [они] представляются мне очень благопристойными и культурными, ничем от нас не отличаясь, кроме варварской одежды и особенностей языка. Я поражаюсь другим свойственным им добрым качествам, в особенности справедливому отношению друг к другу и согласию. Много раз и раньше и в мое время власть у них делилась то между тремя правителями, то между большим числом, но никогда, как известно, они не начинали войны между собой и не оскверняли отечество кровью сограждан. Когда сталкиваются крупные равные или почти равные силы, тогда естественно возникают жестокие и высокомерные помыслы, соперничество, стремление к первенству и прочие бесчисленные страсти, рождающие смуты и волнения. Однако у них, если они и бывают разделены между многочисленными правителями, не случается ничего подобного. А если у властителей возникает какой-нибудь конфликт, все выстраиваются как для сражения, вооруженные, и затем собираются в одно место. Обе стороны, лишь увидят друг друга, тотчас прекращают вражду, приходят к соглашению и требуют от вождей разрешить спор, основываясь больше на праве, чем на силе. Если же те отказываются, требуют, чтобы они сами сражались и подвергались опасности. Ибо не пристойно и не соответствует отечественным установлениям, чтобы ради частной их вражды получало бы ущерб и потрясалось дело общественное. Тотчас же они [рядовые франки] выходят из военных рядов, складывают оружие, и восстанавливаются мир и дружба, безопасные посещения друг друга и сношения, и таким образом исчезают опасности. [Вот как] у них подданные склонны к справедливости и любят родину. Вожди же в нужных случаях благожелательны и доступны убеждениям. Поэтому и живут они, сохраняя прочное могущество, и пользуются теми же законами, ничего не теряя из своего и приобретая очень многое. Там, где внедрены справедливость и согласие, там государство счастливо и неуязвимо для врагов.

3. Так франки, живя наилучшим образом, управляют собой и повелевают соседями, причем дети наследуют власть отцов. В то время, когда готы послали к ним послов, у них было три правителя. Не будет бесполезным, мне кажется, начать немного раньше, рассказав весьма кратко о роде правителей и событиях, происходивших раньше. Закончу же теми, которые повелевали в то время. Были братья Хильдигерт, Хлотар, Теодорих и Хлодомер. По смерти отца Хлодозя они разделили царство на четыре части, равным образом города и народы, так я думаю, чтобы каждый из них получил одинаковую часть.[6] Немного спустя Хлодомер повел войско против бургундов (это готское племя, живущее своими трудами и отличное в военном деле) и погиб в сражении, пораженный копьем в грудь. Когда он лежал на земле, бургунды, увидев его длинные развевающиеся волосы,

простирающиеся до спины, тотчас поняли, что они убили неприятельского правителя.[7] Ибо запрещено правителям франков когда-либо стричься, и они остаются с детства нестриженными как можно видеть, волосы их сзади красиво падают на плечи, и спереди посредине разделены пробором, а не так, как у турок и аваров, - не причесаны, запущены или некрасиво заплетены. Они [правители франков], наоборот, моют их разными снадобьями и за ними очень ухаживают. Это считается как бы некоторым знаком и величайшей прерогативой чести королевского рода. Подданные же стригутся в кружок, и иметь им длинные волосы отнюдь не разрешается. Итак, бургунды, отрезав голову Хлодомера, когда показали ее войскам, бывшим с ним, тотчас внушили им великое смятение и отчаяние, и дух тех упал от боязни так, что они отказались от продолжения в дальнейшем войны. Война была прекращена, и победители по своему усмотрению, как им показалось лучше, установили условия мира. Уцелевшие же из франкского ополчения с радостью возвратились домой. Когда Хлодомер таким образом погиб, тотчас его братья (он не имел детей) разделили между собой его удел. Немного спустя Теодорих скончался после болезни, оставив Теодиберту, сыну, кроме разных других благ, и достоинство власти.[8]

4. Теодиберт, получив отцовское наследство, подчинил алеманнов и другие соседние народы. Был он чрезвычайно отважен, беспокоен и чрезмерно любил опасности. Итак, когда у римлян началась война с Тотилой, вождем готов, Теодиберт принял решение и с величайшей тщательностью готовился, собрав храбрейшие и сильнейшие войска, проникнуть в страну Фракии и, опустошив ее всю, перенести войну к самой столице Византии, в то время как Нарзес и войско будут заняты боевыми операциями в Италии. Свое желание он осуществлял так деятельно, а приготовления так основательно, что посылал послов к гепидам, лангобардам и другим соседним народам, чтобы и они приняли участие в войне. Он считал нетерпимым, что император Юстиниан в императорских едиктах называется франкским и алеманнским, гепидским и лангобардским и другими подобными наименованиями, как будто он поработил все эти народы. Поэтому и сам тяжело переносил эту обиду и других возбуждая к негодованию, как оскорбленных. Я же так полагаю, что если бы он предпринял эту экспедицию, его дерзость не принесла бы ему ничего хорошего, но если бы он пришел во Фракию или Иллирик, он наткнулся бы на римские полки и погиб бы бесславно. Но уже то, что он задумал такой план, горячо желал его осуществить и все свое достояние затратил на это, лучше всего характеризует, как он был жесток и заносчив и как безумие и безрассудство принимал за храбрость. Если бы смерть не предупредила начинания, он, несомненно, начал бы поход. Но когда он однажды отправился на охоту, огромный бык с великолепными рогами, не похожий на какого-нибудь укрощенного или рабочего быка, но лесной и горный, уничтожающий рогами все противостоящее, бросился на него. Я полагаю, эту породу называют бубалами.[9] Их во множестве порождает эта страна. Ибо в ней густые леса, страшные горы и весьма холодный климат. Всем этим привыкло услаждаться животное. Теоди-

берт, завидев этого быка, выскочившего из какого-то ущелья и бросившегося на него, остановился, искусно соскочил с лошади, чтобы встретить копьём. Тот же, оказавшись вблизи, наскочил со всего размаха на дерево средней величины, ударил его лбом и сломанное дерево рухнуло на обоих. Случайно самая большая из ветвей так сильно ударила Теодиберта по голове, что, получив тяжелую и смертельную рану, он тотчас упал на землю и, с трудом унесенный своими домой, умер в тот же день.[10] Теодибальд, его сын, наследовал его власть. Хотя он был еще совершенно юн и находился под попечением и присмотром своего учителя, однако отечественный закон призвал его на царство.

5. Итак, в то время, когда Тейя умер и готы нуждались в посторонней помощи, королями франков были этот юноша Теодибальд, Хильдигерт и Хлотар - [двоюродные дяди] мальчика, - по определению римских законов. Но к ним, как живущим очень далеко, готы не сочли нужным ходить, а к Теодибальду они открыто отправили посольство - не весь народ, но одни те, кто жил севернее Пада. Остальные, конечно, тоже приветствовали бы всякое изменение существующего положения, но в то время были подавлены, сомневаясь в будущем, опасаясь изменчивости судьбы и с взволнованными, колеблющимися мыслями следили за событиями, намереваясь идти за сильнейшими. Послы же первых, прибыв на место и став пред лицом правителя и всех, имеющих власть, просили не презирать их, притесняемых римлянами, но предпринять в союзе с ними войну и оказать поддержку соседнему и дружественному народу, который в противном случае стоит перед угрозой окончательной гибели. Указали далее, что и для них величайшая выгода не позволять римлянам слишком усилиться; наоборот, они должны помешать всячески их усилению. «Ибо если те уничтожат весь народ готский, то тотчас же, - говорили ораторы, - поведут войска на вас и возобновят старые войны. У них не будет недостатка в законных поводах для прикрытия своей жадности. Они будут доказывать, что справедливо напали на вас, перечисляя разных Мариев, Камиллов и большинство императоров, которые некогда вели войны против древних германцев и заняли все по ту сторону Рейна. Поэтому будут прикидываться не насильниками, а ведущими справедливую войну, не ищущими чужого, но возвращающими владения своих предков. Такое именно преступление они приписали нам [готам], а именно, что так как наш Теодорих, некогда правитель и вождь колонии, несправедливо овладел Италией, то они лишили нас нашей собственности, перебили большую часть народа, а женщин и детей, наиболее видных наших людей бесчеловечно поработили, хотя Теодорих овладел Италией, не захватив ее силой, а с согласия правившего у них раньше императора Зинона, не отняв ее у римлян (ибо они уже были лишены ее), а уничтожив Одоакра - чужеземца, тирана - и овладев его достоянием по праву войны. Но после того как у них появилась большая возможность действовать насильственно, они ничего не делали по праву, но, разгневавшись раньше на Теодата из-за Амалазунты и использовав его как причину и предлог к войне затем до настоящего дня не перестают насильственно грабить все - эти мудрые и богобоязненные люди, которые

хвелятся, что они одни справедливо могут управлять государством. Пусть не застигнет вас позднее раскаяние за беспечность, когда вы будете поражены подобным же злом. Необходимо предупредить врагов; не нужно пренебрегать настоящей благоприятной возможностью, а следует послать против них боеспособное войско и поставить во главе его полководца, опытного в военном деле, который, закончив наилучшим образом войну против римлян, изгонит их как можно скорее и возвратит нам наши земли. Совершив это, вы окажете величайшее благодеяние готскому народу, выступая как спасители и освободители от зол, и одновременно обезопасите себя, поскольку со стороны соседей вам не будет угрожать ничего враждебного. К этому у вас прибавятся и огромные богатства, не только захваченные у римлян, но и мы сами доставим вам свои».

6. Когда послы это сказали, Теодибальд - юноша трусливый и невоинственный, к тому же совершенно больной вследствие разных телесных недугов - был совершенно не на стороне послов и полагал, что не следует ради чужих несчастий обременять самих себя. Левтарис же и Бутилин, тотя это совершенно не отвечало желаниям их короля, вступили в военный союз с ними.[11] Эти мужи были родными братьями, из племени алеманнов, но достигли величайшего могущества у франков, так что они предводительствовали этим народом, причем полномочия были предоставлены им раньше Теодибертом. Алеманны, если верить Азинию Квадрату,[12] мужу италийскому, который описал германские дела самым тщательным образом, представляют смешанный род людей, и это показывает само их название. Теодорих, овладев всей Италией, первый сделал их данниками и подчинил все племя. Когда же он умер и величайшая война вспыхнула между Юстинианом, самодержцем римлян, и готами, готы, льстя франкам, снискали их дружбу и благосклонность всевозможными способами, вследствие чего лишились многих территорий и среди них оставили территорию алеманнского племени. Они полагали, что нужно отовсюду стягивать свои силы и освобождать подданных, которые казались излишними и не доставляли больших выгод, так как им предстояла борьба уже не за власть и славу, но за самую Италию, и они подвергались крайней опасности. Поскольку они представляли и предвидели мысленно будущую опасность, то и свои планы приспособляли к необходимости. Тот же Теодиберт подчинил своей власти освобожденное от них племя алеманнов. По смерти его, как выше сказано, они перешли к его сыну Теодибальду с прочими подданными.

7. У них [алеманнов] есть некоторые отечественные установления; в управлении же общественными делами они следуют франкским законам и только в том, что касается божества, различаются верою, ибо почитают некоторые деревья и реки, холмы, ущелья и им, как бы совершая благочестивое, приносят в жертву лошадей, быков и множество других животных, отсекая им головы. Но связь с франками, оказывая на них благотворное влияние, улучшает их в этом отношении и это уже отразилось на наиболее разумных, и в короткое время, я надеюсь, скажется и на всех. Безрассудство и безумие подобных верований, я полагаю, сознается

даже теми, кто их придерживается, если только они не совершенно глупы, и легко может быть устранено. Уклоняющиеся от истины заслуживают скорее сострадания, чем гнева. Не добровольно они ошибаются и падают, но стремясь к добру, а затем, введенные в заблуждение какой-нибудь идеей, упорно держатся усвоенных взглядов, какого бы рода они ни были. Не знаю, можно ли словами прекратить безумие и жестокость жертвоприношений, совершаемых в священных рощах, как это делается у варваров или в честь тех богов, каких хочет иметь обрядность эллинов. Я же думаю, нет никакой радости в жертвенниках, обгаряемых кровью, и в зверском умерщвлении животных. Если же кто привык к этому, того нельзя называть добрым или кротким, а скорее следует признать диким и безумным, вроде Ужаса, которого понапрасну прославляют поэты, и Атэ, и Эриды, которую сами они признают страшной.[13] Прибавь к этому, если желаешь, и так называемого Аримана у персов и из земных привидений все самое кровожадное и вредоносное. Это [отклонение] кому-нибудь может показаться совершенно не соответствующим моему плану, излишним и чуждым моей теме. Мне же весьма желательно предавать гласности все мною узнанное и полезные деяния восхвалять, а бесполезные порицать, так как если исторические труды не будут включать этого, чтобы оказать больше пользы человеческой жизни, но будут состоять из простого неосмысленного пересказа событий, то они будут немногим лучше тех басен, которые рассказываются в гинекеях во время прядения шерсти. Итак, пусть думает об этом каждый, как ему будет угодно. Мне же нужно идти по тому пути, по которому пошло мое повествование. Когда Левтарис и Бутилин начали собирать войско против римлян, они оба, не довольствуясь настоящим, были преисполнены надеждами на будущее. Они полагали, что Нарзес не выдержит даже первого их натиска, что вся Италия вместе с Сицилией станет их достоянием. Говорили, что они удивляются готам, как они могли испугаться этого человека, прислужника женских покоев, ведущего изнеженный образ жизни, лишенного всякого признака мужественности. Опьяненные такими мыслями, горделиво подготавливая поход, они собрали из алеманнов и франков большое войско в 75 тысяч храбрых мужей, чтобы немедленно вторгнуться в Италию.

8. Военачальник римлян Нарзес, хотя еще не знал точно этого, но, отличаясь величайшим благоразумием, желая всегда предупреждать планы врагов, тотчас же решил употребить все силы для подчинения тех городов Тусции, которые еще были во власти готов. Ибо этот муж, не кичась свыше меры победой, не превозносился гордыней и не предавался после трудов покою и удовольствиям, как это случается с другими, но тотчас, собрав войско, со всей быстротой поспешил к Кумам.[14] Этот чрезвычайно укрепленный италийский город, который с трудом мог бы быть взятым неприятелем, расположен на крутом и трудно доступном холме и представляет как бы сторожевую башню Тирренского моря.[15] На берегу моря стоит большая скала, о подножие которой разбиваются морские волны, а вершину опоясывают стены, сильнейшим образом укрепленные башнями и брустверами. У Тотилы и Тейи, прежних королей готов, наиболее

ценное и важное имущество сохранялось в этой крепости, как сильнейшей. Как только Нарзес явился туда, он всеми силами стремился поскорее овладеть и городом и ценностями, чтобы готы не имели больше опорного стратегического пункта и чтобы, овладев этим городом, добиться полной и окончательной победы. Алигерн же, младший брат предводителя готов, Тейи, находился внутри города и, собрав вокруг себя войско, какое только мог, не желал никакого мира, хотя уже достоверно знал и то, что Тейя убит в сражении, и то, что сила готов подорвана и уничтожена. Все же он отнюдь не падал духом и не страшился ударов враждебной судьбы. Положение местности и изобилие продовольствия делало его дерзким и гордым, способным защищаться, если на него кто-нибудь нападет.

9. Нарзес, быстро воодушевив своих, повел войско к городу. Оно с великим трудом поднялось на возвышенное место и, приблизившись к стенам, тотчас начало метать дротики на [людей], стоящих на укреплениях. Луки звучали от непрерывного метания стрел, в воздухе неслись пращи, осадные орудия были приведены в действие. Окружавшие же Алигерна, собравшись между башнями стены, не менее деятельно сражались, отстреливаясь дротиками и стрелами, бросая руками огромные камни и бревна... и все, что было под руками; пользовались также орудиями и оборонительными средствами, и ничего не было упущено [для защиты]. Стрелы Алигерна в особенности обращали на себя внимание римлян. Они неслись с огромным свистом и быстротой и, если попадали в камень или другой твердый и крепкий предмет, разрушали его целиком силой полета. Так, Алигерн, увидев известного Палладия - он был на хорошем счету у Нарзеса как командир римского войска и почитался одним из лучших таксиархов[16], - закованного в железо и потому приблизившегося к стене с большой уверенностью, пустил в него стрелу с высоты и тотчас пронзил насквозь этого, человека через щит и панцирь. Так он превосходил силой многих и настолько сильна для стрельбы из лука была его рука. В течение многих дней сряду происходила подобная перестрелка и ни у одной из сторон не сбывались ожидания. Римлянам казалось позорным отступить прежде, чем крепость не будет взята, но было ясно, что готы осадой не будут вынуждены к сдаче.

10. Стратиг[17] Нарзес чрезвычайно болезненно переживал это и беспокоился, что римляне тратят столько времени у незначительной крепости. Когда Нарзес все обдумал и взвесил, он, наконец, решил попытаться взять укрепление следующим образом. На восточном склоне скалы находилась одна пещера, со всех сторон закрытая и весьма обширная внутри, имеющая естественный вход - широкую и глубокую, как пропасть, впадину. В ней, говорят, некогда обитала италийская сивилла, вдохновляемая Фебом, предсказывавшая вопрошающим будущее. Говорят, что, когда Эней, сын Анхиза, пришел к ней, сивилла ему рассказала все, что потом совершилось. Над этой пещерой стояла и нависала часть стены. Когда это заметил Нарзес, то решил использовать это обстоятельство и тотчас, введя внутрь пещеры как можно больше людей, принесших с собою орудия, приспо-

собленные для тесания камней и подкапывания стен, постепенно высек и вырубил свод пещеры, на котором держалась стена. Он настолько высек свод и очистил основание постройки, что обнажился даже нижний слой фундамента. Под него были подставлены рядами прямые бревна, которые выдерживали всю тяжесть стены, чтобы постройка не начала рушиться и постепенно рассыпаться, и готы не догадались, что замышляется. Ибо в таком случае, собравшись здесь своевременно и исправив повреждения, они затем охраняли бы это место заботливейшим образом. Итак, чтобы не стало известно им это предприятие и чтобы не был услышан шум вырубаемой скалы, римское войско с величайшей силой произвело нападение на верхнюю стену с громкими криками и стука оружием. Поднялся великий шум, больший, чем нужно, и велась яростная атака. Когда же стена на всю длину пещеры была подрыта, нависала сверху и поддерживалась густо уставленными бревнами, тогда кучи сухих листьев и всякий другой легко возгорающийся сухой материал, какой был под руками, подожгли, и все вышли из пещеры. Немного спустя от выжженного пламени эти устои воспламенились, обуглились и не выдержали тяжести. Та часть стены, которая на них держалась, внезапно оторвавшись, обрушилась. Башни, на ней стоявшие, и брустверы внезапно оторвались от других и обрушились в пропасть. Самые ворота, расположенные в этой части стен, были заперты весьма прочно в виду наличия неприятелей, и ключи хранились у сторожей. Эти ворота, вырванные со своими засовами и крюками, обрушились на морской берег и морские скалы. Одновременно было унесено все, что к ним примыкало: столбы, карнизы, верхние перекладки, дверные петли, прилаженные к воротам. Когда это совершилось, проникнуть в город римлянам казалось легко, и они презирали уже неприятеля. Однако надежда оказалась ошибочной. Разные расщелины и обрывы, совершенно крутые и недоступные как на самом холме, так и на внутреннем обводе, простирающемся на большое расстояние, не меньше, чем раньше, затрудняли доступ в город. Нарзес дважды всеми силами делал приступ к городу, намереваясь захватить его сразу. Но так как готы сосредоточились здесь и отчаянно защищались, он был отражен и ничего не мог больше сделать.

11. Так как Нарзесу не удалось взять город ни осадой, ни силой, то он решил не задерживать все войско на этой трудной осаде, но двинуться немедленно к Флоренции, Центумцеллам и другим городам Тосканы и, упорядочив все здесь, предупредить прибытие врагов. Ему уже было сообщено, что Левтарис и Бутилин вместе с войском франков и алеманнов появились южнее Пада. По этой причине он с максимальной быстротой направил туда большую часть войска. А так как Филимут, вождь следовавших за ним герулов, умер от болезни несколькими днями раньше и было принято, чтобы они подчинялись собственному вождю из этого же племени, то он немедленно поставил во главе их Фулкариса - их соплеменника, племянника Планитея, и приказал ему вместе с Иоанном, сыном Виталиана, Валерианом, Артабаном и другими стратигами и таксиархами, с большой и сильнейшей частью войска, обойдя Альпы, которые поднимаются между провинциями Тосканой и Эмилией, дойти до

реки Пана, там расположиться лагерем и, заняв укрепленные места, отражать набеги врагов. И если он может их окончательно прогнать, то будет иметь за это благодарность судьбы, если не в состоянии будет этого сделать вследствие превосходства численности [врагов], то замедлит их движение и не допустит, чтобы они смело и неустрашимо продвигались вперед, а наоборот, причинив им наибольший страх, задержит их как можно дольше, пока сам в походе не устроит все, что нужно, по своему плану.[18] Они отправились с этими приказами. В Кумах же он оставил значительное войско, чтобы, заняв все местности вокруг, добить врага, запертого в городе непрерывной осадой. Оно окружило крепость валом и контролировало все выходы, чтобы захватить фуражиров. Полагали, что у противника, осажденного уже в течение года, все средства продовольствия израсходованы. Нарзес же, подойдя к городам [Тосканы], большую часть их без труда подчинил своей власти. Флорентийцы, выйдя навстречу, заручившись клятвой, что они не потерпят ничего худого, добровольно сдали себя и все свое. То же сделали Центумцеллы[19], так же поступили жители Волатерры[20], Лунны[21] и пизанцы. Так ему все успешно удавалось и на пути он все себе подчинял.

12. Только жители Лукки медлили и не сдавались, днем раньше они заключили договор с Нарзесом, выдав заложников и обязавшись клятвой, что если пройдет 30 дней и не подоспеет помощь, способная не только для сражения с башен и стен, но и для полевого сражения, то тотчас сдадут город. Они надеялись, что франки скоро придут на помощь. Уверенные в этом, они заключили договор с Нарзесом. Впрочем, когда установленное время уже прошло и никакие вспомогательные войска не появились, они и тогда не признали нужным выполнить договор. Обманутый Нарзес, естественно, был разгневан и готовился к осаде города. Некоторые из его окружения полагали, что нужно умертвить заложников, чтобы горожане, охваченные скорбью, понесли наказание за свое вероломство. Но Нарзес все делал благо разумно и не позволил себе поддаться гневу настолько, чтобы жестоко умертвить за преступления других тех, кто сам не совершил никакого преступления. Он придумал следующее: вывел их на середину одного за другим со связанными за спиной руками, с опущенными вниз головами. В таком жалком состоянии он показал их горожанам, угрожая немедленно убить, если условия договора не будут выполнены. У заложников же сзади от шеи и вдоль спины были привешены короткие доски, покрытые кожей, - чтобы враги не наметили этого издали. Когда жители Лукки не подчинились теперь, он приказал немедленно обезглавить всех по порядку. Оруженосцы, выхватив мечи, поражали с величайшей силой, как бы желая отрубить головы. Удар, однако, падал на дерево и оставлял их невредимыми. Но они, как им было приказано, стремглав падали на землю, бились по ней к конвульсиям и притворялись умирающими. Когда это увидели горожане и за дальностью расстояния не могли разобрать истины, а видели только представление, тотчас же подняли громкий плач и совершившееся приняли как несчастье. Эти заложники ведь были не простыми и неизвестными, но благородными и знатными. Когда они увидели, что лишились

таких людей, то подняли громкий плач, и долго и далеко были слышны частые стенания и жалобные голоса. А многие женщины, царапая себя ногтями и разрывая одежды, побежали на передовые укрепления. Это были или матери тех, которые считались убитыми, или дочери, или же как-либо с ними связанные. Все они яростно осыпали Нарзеса ругательствами, называя его бродягой и преступником, говоря, что он на деле показал себя насильником и кровожадным и что он лживо похваляется славой благочестия и богочитания.

13. Когда они это кричали, Нарзес сказал: «Разве не вы были причиной их гибели? Жертвуя и продавая их, вы и сами о себе не позаботились разумно, дав клятву и затем позорно нарушив договор. Но однако и теперь, если вы желаете вернуться к благоразумию и подтвердить самим делом договор, то не получите никакого вреда. Ибо и заложники ваши оживут, и мы не причиним никакого ущерба вашему городу, а если откажетесь, то вам нужно будет оплакивать не только их, но и самих себя, и позаботиться, чтобы и вы сами не потерпели того же». Когда лукканцы услышали это, то решили, что он обманывает их и морочит воскрешением мертвых. И, конечно, слова его были обманом, но не в том, в чем они его подразумевали. Тем не менее немедленно снова обещали и клялись, что они сдадутся и предадут свой город на волю Нарзеса, если увидят заложников живыми. Так как им казалось невероятным воскресение мертвых, то они считали, что этим наилучшим образом снимут с себя обвинение в преступлении и сделают свое дело правым. Тогда Нарзес немедленно приказал тем встать и выставил для обозрения горожанам здоровых и невредимых. Они, увидев их, естественно были поражены неожиданностью зрелища, но даже и теперь не все считали нужным выполнить договор. Немало было и отказывающихся. Ибо после того, как увидели своих уцелевшими и здоровыми, то от скорби и горя, как свойственно толпе, быстро перешли к бодрой надежде, вернулись к прежнему и победило вероломство. Когда они охвачены были этим безумством, стратиг Нарзес, отличаясь большим благоразумием, тотчас отпустил заложников и отослал их к своим, не получив никакого выкупа и не истребовав никаких обязательств с города. Когда лукканцы удивлялись и недоумевали, зачем он это сделал, он сказал: «Не свойственно мне заниматься шутовством и обольщаться пустыми надеждами. Я уверен, что и без них, если вы немедленно не сдадитесь, сумею покарать вас этим». Говоря это, он показывал меч. Итак, отпущенные и возвращенные своим согражданам заложники, смешавшись с толпами людей, превозносили Нарзеса высшими похвалами и восхваляли гуманность, с которой были приняты. Везде они рассказывали, насколько он кроток и как величие свое умеряет справедливостью. Эти речи в короткий срок должны были сделать больше, чем оружие, заставить замолчать желающих продолжения вражды и весьма многих колеблющихся побудить предпочесть римлян [варварам].

14. Когда Нарзес еще был занят осадой, войска римлян, посланные в Эмилию, были расстроены одним событием и, естественно, впали в сильное малодушие. Когда они пришли

туда, куда были посланы, вначале во всем действовали благородно и упорядоченно и если шли для разграбления какого-нибудь враждебного селения или местности, то выступали прекрасно организованным строем и не проникали в набегах дальше, чем следовало. Возвращались они не беспорядочно, а в порядке. Арьергард оставался на должном месте. Войско выстраивалось четырехугольником. Вся добыча ставилась в середину для наилучшей охраны. Так они вначале опустошали неприятельскую местность. Но затем все стало наоборот и пошло к худшему. Фулкарис, вождь герулов, был, конечно, храбр и не привык бояться врагов, но вместе с тем дерзок и беспорядочен и совершенно не усвоил должным образом своих обязанностей. Он считал, что обязанность стратига и вождя не устраивать боевой порядок и руководить им, а самому в сражении отличиться, опережать других, с жаром нападать на врага и сражаться с врагом в рукопашную. Это он считал для себя похвалой и этим гордился. А затем, впадая в большее безрассудство, совершил набег на город Парму (ибо Парма была уже занята неприятелем). Ему следовало сначала выслать разведчиков, чтобы они заботливо разузнали замыслы врагов, а затем после разведки в порядке вести войско. Он же быстро двигался, полагаясь только на скорость и безрассудный натиск, ведя в беспорядке войско герулов и римские полки, какие следовали за ним, не подозревая никакой беды. Когда об этом узнал Бутилин, вождь франков, он спрятал отряд наиболее сильных и храбрых воинов в амфитеатре, построенном недалеко от города (он был предназначен для тех, кто в присутствии народа сражался со зверями) и, искусно приготовив сильнейшую засаду, наблюдал и выжидал благоприятный случай. Когда Фулкарис и герулы уже проникли в место расположения врагов, тогда по данному сигналу франки вырвались и яростно набросились на идущих беспорядочно и беззаботно и всех встречных, подавленных внезапностью и неожиданностью, почти что окруженных, без разбора избивали мечами. Большинство, с трудом уяснив, в какую беду попало, искало недостойного и позорного спасения. Показав спины врагам, они бежали стремглав, забыв о всякой доблести и постоянной привычке к опасностям.

15. Когда войско разбежалось, Фулкарис, вождь герулов, оставшись один со своими оруженосцами, отнюдь не считал для себя возможным бежать, подобно другим, полагая, что поступит лучше, предпочтя славную смерть бесчестной жизни. Поэтому он утвердился как можно безопаснее у одной гробницы, прикрывающей его сзади, убил многих из врагов, то стремительно на них нападая, то понемногу отступая назад лицом к врагам. Ему еще и теперь представлялась весьма легкая возможность бежать и его слуги советовали так сделать. «Но как я перенесу речи Нарзеса и его упреки в безрассудстве?», - отвечал он, боясь таким образом, как кажется, порицания больше, чем вражеского меча. Он остался на месте и не переставал сражаться, пока, окруженный множеством врагов и раненый многими дротиками в грудь, наконец, пал, уже борясь со смертью, рухнув на щит, пораженный топором в голову. Около него все остальные, оставшиеся с ним или добровольно, или вынужденные неприятелем, были перебиты поголовно. Итак, Фулкарис, из-

бранный вождем герулов, недолго обладал этим званием, но, на короткое время воспользовавшись счастьем, как мимо-летней радостью во сне, быстро закончил как свое командование, так и жизнь. Это поражение, нанесенное римлянам, придало франкам много бодрости и силы. Ибо готы, населяющие Эмилию и Лигурию и ближайшие места, раньше заключившие непрочный и неискренний мир и военный союз с римлянами, скорее устрешенные, чем добровольно теперь немедленно перешли к варварам, будучи связаны с ними общностью нравов и быта. Войска же римлян, которыми, как мной уже было сказано, управляли Иоанн, сын Виталиана, и Артабан, и те, что спаслись бегством из герульского ополчения, тотчас отступили к городу Фавенции.[22] Стратиги полагали, что у них уже нет возможности задерживаться у Пармы, куда собрались неприятельские ополчения, и что неожиданно осчастливленные, они еще не пользовались счастьем умеренно. Ибо города готов открывались для врага и, получая сильные гарнизоны, намеревались, как можно было предполагать, всеми силами напасть на них. Поэтому стратиги решили подойти как можно ближе к Равенне и там отбиваться от врагов, так как они считали себя уже неспособными сражаться с ними в открытом поле. Когда об этом был поставлен в известность Нарзес, он скорбел и тяжело переносил заносчивость варваров, и то, что Фулкарис так внезапно погиб, человек недюжинный и выдающийся, необычайно храбрый, прославленный многими победами, который никогда не был бы побежден врагами, если бы соединял благоразумие с храбростью. Поэтому он чрезвычайно скорбел и жаловался, но не падал духом и не страшился, как многие. Увидав свое войско подавленным неожиданным поражением, он решил выступить перед ними с ободрительной речью на общем собрании, чтобы призвать к мужеству и устранить страх.

16. Нарзес был чрезвычайно благоразумен и деятелен и удивительно легко приспособлялся к любой обстановке. Он не очень отличался образованием и не гордился красноречием, но славился прямоотой натуры и был в состоянии словом выражать свои мысли, и это - евнух, воспитанный в изнеженности в императорском дворце. Он был низкого роста, сухощав, но выработал такое мужество и ловкость в делах, которые кажутся невероятными. Отсюда ясно, что кому присущ свободный и благородный дух, тому ничто и ни в каком деле не может помешать достичь первенства и стать наилучшим. Поэтому Нарзес, выступив в середину войска, сказал следующее:

«У привыкших постоянно побеждать врагов и всегда добиваться успеха если случайно и на короткое время выпадает неудача, то тотчас отнимается радость и погасают надежды. Я же полагаю, что благоразумные люди в благоприятных обстоятельствах никак не должны превозноситься, и так как очень возможна всегда перемена обстоятельств, то и мы должны быть готовы ко всяким случайностям. Для тех, которые придерживаются такого образа действий, счастье является, конечно, приятным, но не очень огорчает их, если они и потерпят что-либо неожиданное. Я вижу, что вы, мужи, более огорчены, чем требует этого случай, и это проис-

ходит только по тому одному, что вы сверх меры хвалились привычкой побеждать и думали, что вы никогда не можете потерпеть неудачу. А если, отбросив это, разберете случившееся само по себе, то оно покажется не таким ужасным и важным, как вы почему-то считаете. Если стратиг Фулкарис, к тому же варвар, безрассудно пренебрегая всяким порядком, бросился против такого множества врагов, то он и получил по справедливости соответствующее своему безрассудству. Но вам, о мужи, не подобает ни так падать духом в настоящем, ни откладывать ранее решенное. Стыдно, что остатки готов, когда почти весь народ уничтожен, приобретают себе союзников, создают нам большие трудности и еще не отчаялись в спасении, мы же только потому считаем себя побежденными, что не всегда побеждаем, теряем славу предшествующих деяний, отбрасываем усердие, хотя нам больше подобает радоваться случившемуся. Ибо этим устранена чрезмерная благосклонность судьбы, и мы избегаем чрезмерной зависти, которой подвержены, и поэтому нам подобает вступать в сражение с бодростью и уверенностью, что мы снова начнем побеждать. Ибо если враги кичатся и хвастаются численностью, то воинским благоустройством, если будем благоразумны, мы их далеко превосходим. Мы сражаемся против людей пришлых, естественно нуждающихся в самом необходимом, тогда как мы всем хорошо снабжаемся. Многие укрепления и города доставят нам безопасность, если понадобится. Они же этого лишены. Будет помогать нам и божество, так как мы справедливейшим образом защищаем свое; они же грабят чужое». Поэтому не иметь прочных и радостных надежд или бояться чего-либо противоречило бы рассудку. Этим же лукканцам мы не дадим никакой передышки в осаде, и каждый из вас с величайшей заботливостью и усердием должен приготовиться к ожесточенной битве».

17. Сказав это, Нарзес быстро ободрил войско и стал более упорно теснить лукканцев. Но он гневался на прочих стратигов за то, что они, оставив удобные для обороны места, собрались в Фавенции и совершенно нарушили его планы. Он ведь полагал, что войска, которыми он командовал, должны быть расположены около города Пармы для защиты в качестве стены и тем помешать неприятелям продвигаться дальше. Сам же он, устроив наилучшим образом все дела в Тоскане, затем присоединился бы к ним. Но так как они далеко отступили оттуда, получалось, что войско, бывшее с Нарзесом, первое подвергалось ударам врага. Считая это совершенно недопустимым, он немедленно послал к стратигам одного из близких к себе людей, которому было имя Стефан, отчество же Эпидамн, город Иллирика, чтобы он упрекнул их в трусости и объявил бы их предателями государства, если они не вернуться на прежние места. Стефан, взяв с собою двести храбрейших всадников, хорошо вооруженных, двинулся в путь быстрыми переходами, но совершал его с большими трудностями и бессонными ночами. Некоторая часть франков бродила по этой местности частью ради фуража, частью из-за добычи, похищаемой из деревень. Итак, в большинстве случаев римляне совершали путь ночью сомкнутым строем и по очереди сменяясь в арьергарде, чтобы их не застали неготовыми, если придется

сражаться. Слышались вопли земледельцев, мычание упряемых быков, треск при рубке леса. В их ушах еще непрерывно раздавались эти зловещие звуки, когда они с трудом, наконец, добрались до Фавенции и до войска. Представ перед стратигами, Стефан сказал: «Что за несчастье постигло вас, о мужи? Где же слава прежних деяний и гордость столькими победами? Каким же образом Нарзес мог и Лукку взять и подчинить все по ту сторону Альп, а вы не только как бы по договору дали проход врагам, но и предоставили им возможность идти, куда пожелают. Я ничего не скажу вам оскорбительного. Но всякий другой ваши поступки истолкует как трусость и пренебрежение общественным благом. Если вы не поспешите как можно скорее возвратиться в Парму, Нарзес не перестанет гневаться на вас в будущем, если с ним случится какое-нибудь несчастье. Остерегайтесь также, добрые люди, чтобы и император не прогневался на вас».

18. Услышав это, стратиги, зная, что он послан Нарзесом, не могли сказать, что он несправедливо их обвиняет, но представили разные извинения и причины, по которым, вынужденные необходимостью, они оставили свою стоянку, а именно, что на прилегающих к Парме местностях не могли добыть достаточно провианта воинам, и не было там Антиоха спаржа, который должен был об этом заботиться, и даже обычное жалованье им не выплатили. Поэтому Стефан, с величайшей быстротой прибыв в Равенну, препроводил оттуда к воинам и страгигам епарха и, устранив, насколько возможно, все трудности, убедил всех возвратиться прежним путем и раскинуть лагерь у Пармы. Совершив это, он возвратился в Лукку и сообщил Нарзесу, чтобы он был спокоен и энергично брался за дело, - что враги его не тревожат и их набегі будут задержаны, так как римские полки снова будут подстерегать их там, где должно.

Итак, Нарзес, полагая, что отнюдь нельзя терпеть намерения лукканцев, сравнительно слабо осажденных, держаться еще долго, бесстрашно подходит к стенам, придвигая к ним боевые башни,^[23] а на вражеские башни бросая огненосные стрелы. Появившихся же на брустверах поражали камнями и стрелами. Стены были уже частично разрушены, и различные виды бедствия постигали город. Прежние заложники много делали в пользу римлян, и если бы дело зависело от них, то скоро весь город был бы склонен к сдаче. Но коменданты Франков, которые находились внутри города для его охраны, настойчиво требовали от них продолжения войны и попыток оружием заставить врага снять осаду. Поэтому быстро открывались ворота, делались внезапные нападения на римлян с расчетом победить их таким образом. Но, как оказалось, они причиняли ничтожный вред врагам, а сами несли большие потери. Очень многие лукканцы, уже убежденные действующими внутри агентами Нарзеса, намеренно сражались вяло. Из многих попыток [вылазок] поэтому ничего не вышло. Потеряв множество своих, они вынуждались к позорным и постыдным отступлениям и, снова загнанные в стены, еще строже держались взаперти, как бы лишённые уже возможности выхода. Тогда только, так как у них не было уже другой надежды на спа-

сение, они по необходимости изменили свои взгляды на мир и пожелали правильно поступить в настоящем. И, получив обещание, что Нарзес не будет питать никакого гнева на них за случившееся, они немедленно сдали город и охотно впустили в него войска, пробыв три месяца в осаде, и снова сделались подданными римского императора.[24]

19. После завоевания Лукки, когда ничего не стояло у него на пути, Нарзес отнюдь не считал возможным проводить там время и хоть сколько-нибудь отдохнуть от трудов. Он оставил там Бона, - стратига из Мезии, расположенной у реки Истра, человека выдающегося ума и весьма опытного в военных и гражданских делах, - передав ему значительное войско, достаточное, чтобы одержать верх над варварами, там находящимися, если бы те пожелали перемен. Устроив так дела, он поспешил прямо в Равенну, чтобы находящиеся там войска послать на зимовку. Так как осень уже кончилась и дело происходило около зимнего поворота солнца, он не считал возможным воевать в это время. Он считал, что это было бы в пользу франков, которым жар вреден и доставляет большое неудовольствие, и никогда летом они не воюют охотно. Они чувствуют себя здоровее и сильнее от холода и охотнее тогда переносят военные тяготы. Естественно, что из-за холодов своего отечества они приобрели такие свойства, что им как бы врождено легко переносить холод. Ради этого он решил медлить и перенести военные действия на будущий год. Разделив войска между лохагами и таксиархами, он приказал зимовать по ближайшим городам и крепостям, которые находились под его властью; с наступлением же весны идти в Рим и собираться там, чтоб готовиться к бою всеми силами, и они отправились согласно приказанию. Нарзес же привел в Равенну своих домашних служителей и оруженосцев и тех, кто входил в состав его оффиция[25] и кому было вверено попечение о его резиденции как ради прочего благоустройства, так и чтобы не было возможности каждому, кому вздумается, проникать к нему. У римлян есть обычай называть их по характеру выполняемой ими работы «решеточниками» (a cancellis). [Нарзес] имел при себе же Зандала, начальника домашних слуг и прочих постельничьих - евнухов. В сопровождении свиты в целом из 400 человек он пришел в Равенну.

20. В это время Алигерн, сын Фредигерна, брат Тейи, о котором мы раньше вспоминали, говоря об осаде Кум, когда франки появились в Италии и к ним уже перешли готские дела, один оказался тогда понимающим полезное и предвидящим будущее. Обдумывая положение дел, он пришел к выводу, что франки, конечно, используют имя союзников, делая от этого предлог и удобное оправдание, а именно, что пришли они по приглашению готов. То же, чего они хотят действительно, представляется другим. Если даже они победят римлян, то не пожелают возвратить готам Италию, но на деле прежде всего поработят их самих, которым на словах пришли на помощь, поставят над ними начальниками франков и лишат их отечественных законов. Когда он часто вдумывался в это и одновременно был тесним осадой, то решил лучше передать город и ценности Нарзесу и на склоне лет жизни стать римским гражданином, распростившись с опас-

ностями и варварским способом жизни. Казалось ему справедливым, если уже готы не могли владеть Италией, пусть ею владеют старые ее хозяева, и [таким образом, пусть] исконные жители [окажутся] не навсегда лишенными своего. Так он решил поступить сам и дать всем своим соплеменникам пример благоразумия. Он сначала объявил осаждающим римлянам, что желает свидания со стратигом и, когда это было разрешено, отправился в Классис, где, как знал, находился Нарзес. Эта крепость расположена в окрестностях Равенны.[26] Представ перед ним, он передал ему собственноручно ключи от Кум и предложил всякие добрые услуги. Тот благодарил его за сдачу и обещал отдарить большими благами. Тотчас же приказал войску, расположенному лагерем у Кум, вступить в крепость, овладеть городом и ценностями и оберегать все в безопасности. А остальному войску приказал разойтись по разным городам и укреплениям и там зимовать. Так все и было сделано. Герульское же ополчение вторично было лишено вождя. В нем было два знаменитых мужа, конкурирующих между собой. Войско поделилось между ними сообразно мнениям о них. Часть их выше всего ценила Арута, и, по их мнению, все изменилось бы к лучшему, если бы он был вождем. Другие же предпочитали Синдуала, как весьма деятельного и опытного в военном деле. Присоединился к ним и Нарзес, назначив его их вождем, и послал туда, где они могли перезимовать наиболее удобно. Алигерну же приказал идти в город Цезену с поручением, придя туда, подняться на стены, показаться открыто, чтобы всем можно было узнать, кто он. Приказал он это для того, чтобы франки (они должны были проходить мимо) могли видеть его как добровольного перебежчика и отказались от похода на Кумы и от надежды на добычу, а может быть, и от дальнейшей войны, так как все крепости уже были заняты раньше их прихода. Видя проходящих франков, он осыпал их оскорблениями с высоты и осмеивал, говоря, что напрасно они торопятся, что они опоздали, что все богатство готов уже захвачено римлянами, так же как все инсигнии готской власти, так что если кто в дальнейшем и будет объявлен королем готов, то не будет иметь знаков отличия и достоинства, но должен надевать простую воинскую одежду и по внешнему виду оставаться простым человеком. Франки в ответ оскорбляли его и называли предателем своего народа, но все же стали колебаться в мнениях о положении дел, так что начались совещания, следует ли продолжать войну. Победило, однако, мнение не изменять решения, а идти туда, куда они направились раньше.

21. Между тем Нарзес, находившийся в Равенне с тамошними войсками, устроив все должным образом, перешел в город Аримин с теми, которые за ним следовали и раньше. Так как Ваккар из племени варнов,[27] человек выдающийся и воинственный, немного раньше умер, тотчас сын его Февдибальд (такое имя было у мальчика) вместе со следующими за ним варнами перешел на сторону римского императора и пришел в Аримин, чтобы там встретиться с Нарзесом. Ради этого и тот туда пришел, чтобы, одарив их всех щедро деньгами, сделать как можно более прочными союзниками. Когда он был занят этим, до двух тысяч франков смешанного состава: конных и пеших, посланных свои-

ми начальниками для опустошения и разграбления страны, оказавшись вблизи города, опустошали поля, уводили рабочих волов и тащили все беспрепятственно, так что и сам Нарзес мог наблюдать происходившее, сидя в высоком помещении, откуда открывался вид на равнину. Он, считая позорным и неблагородным не защищаться при подобных обстоятельствах, быстро вышел из города, вскочив на коня, послушного и быстрого, который не только мог должным образом прыгать и скакать, но был обучен атакам и отступлениям, приказал следовать за собой и тем из своей свиты, которые имели хоть какой-нибудь опыт в военном деле. Они, вскочив на лошадей (их было около 300 человек), последовали за ним и бросились прямо на врагов. Те, увидев их выход, уже не бродили рассеянно и, думаю, уже не заботились о добыче, а собрались все в одно место, конные и пешие, и построились в фалангу, не очень глубокую (как возможно было ее построить, когда их было немного). Отряды же всадников окружали пеших, сомкнутых и прикрытых щитами. Когда римляне приблизились на расстояние полета стрелы, то признали совершенно бесполезным вступить в рукопашный бой с врагами, выстроенными в боевой порядок и пытались, гарцуя на лошадях, стрельбой из луков и метанием копий расстроить первый ряд врагов и разорвать густоту их боевого порядка. Но те, хорошо защищаясь щитами, стояли твердо и непоколебимо, отнюдь не нарушая непрерывности строя. Когда же достигли густого леса, то использовали деревья, как укрытия, и там оборонялись метанием копий, которые на их языке назывались ангонами.

22. Когда они [враги], таким образом, не потерпели никакого ущерба, он [Нарзес] применил некую варварскую военную уловку, особенно употребляемую гуннами: приказал своим, повернув назад, беспорядочно отступать, как будто они охвачены паникой и бегут, и тем завлечь варваров как можно дальше от леса на равнину. А он уже позаботится об остальном. И они сделали так и побежали. Франки же, обманутые притворным бегством и вообразив, что паника настоящая, тотчас беззаботно нарушают фалангу и, вскочив из леса, начинают их преследовать. Первыми вылетают всадники, а за ними следуют сильнейшие и быстрее из пеших и все, не щадя себя, несутся, чтобы поскорее захватить самого Нарзеса и с малой затратой сил положить желанный конец войне. Так они, забыв о всяком порядке, беспорядочно и без всяких предосторожностей неслись вперед, радуясь и обольщая себя надеждой; римляне же, бросив поводья, бежали все дальше. Можно было сказать, что они бежали, действительно объятые паникой. Когда же варвары оказались рассеянными по равнине и удалены от леса на значительное расстояние, тогда внезапно, по сигналу, данному Нарзесом, римляне, повернув лошадей, бросились на своих преследователей и начали гнать назад беспощадно и истреблять приведенных в замешательство неожиданностью. Так, бегство превратилось в преследование. Конные варвары, поняв нависшую над ними опасность, поспешно бежали снова в лес, в свой лагерь и к своей радости спаслись. Пешие же бесславно истреблялись, не будучи в состоянии даже протянуть руку для своей защиты, подавленные внезапной переменной обстановки и как бы обезумевшие. Итак, все

полегли разбросанно, подобно стаду свиней или овец, изрубленных жалким образом. Когда таким образом было убито свыше 900 храбрейших людей, остальные отступили и вернулись к своим вождям, считая, что они отнюдь не будут в безопасности, прежде чем они не присоединятся к остальному войску. Нарзес же, вернувшись в Равенну и устроив там все наилучшим образом, перешел в Рим и перезимовал там.

>>далее>>